

Е.Н. Степановым именно этих подходов и учения В.В. Виноградова об общенародном языке дает возможность выдвинуть на страницах книги интересное и справедливое утверждение, с которым нельзя не согласиться, о существовании в конце XIX в. — в 1-й трети XX в. не только московской и петербургской, но и одесской русской речевой нормы. В основу этой нормы еще в XIX в. было положено одесское городское койне. Особенности одесской речевой нормы активно проникали в первой половине XX в. в русское общеупотребительное просторечие и даже в литературный язык.

Все вышеупомянутое дает основание сделать вывод о том, что научная монография Е.Н. Степанова "Російське мовлення Одеси" отличается новизной, честностью, систематичностью подходов, обоснованностью предлагаемых решений и является ценным вкладом в разработку актуальных вопросов социолингвистики.

Татьяна ТУЛИНА,
доктор филологических наук,
профессор Черкасского государственного университета

Издана обновленная версия книги Михаила Пойзнера "С Одессой надо лично говорить..." (дизайн Леонида Брука, иллюстрации Григория Палатникова), пользующейся большим читательским спросом. Предлагаем вашему вниманию предисловие, написанное членом редколлегии альманаха и одновременно близким другом автора этого замечательного издания.

Неисчерпаемость дружбы

Михаил ПОЙЗНЕР
С Одессой надо лично говорить...
Одесса, Полиграф, 2005

С Михаилом Борисовичем Пойзнером мы дружим много лет. Так много, что можно, казалось бы, изрядно обрыднуть друг дружке. Мы знаем друг о друге все и сверх того. Мы, вероятно, знаем друг друга лучше, чем самих себя. Мы уже просто отражаемся друг в друге, "как небо в воде". Куда же дальше? Куда ж, изъясняясь высоким штилем, нам плыть? Дальше, как принято говорить, некуда (тишина)?

Невероятно, но факт: несмотря на сказанное, нам, судя по всему, вовсе не грозит взаимное разочарование. Почему? Да потому, надо полагать, что в нас и, следовательно, в наших отношениях не угас потенциал роста. Коль скоро мы эволюционируем сами, соответственно эволюционируют и наши взаимоотношения, открываются их новые грани, пусть порой и шероховатые — я всегда говорил, что на гладкой поверхности не бывает хорошего сцепления с жизнью, которая продолжается.

Да, говорю я, жизнь длится и длится, вне зависимости от нашего в ней участия или неучастия. Жизнь не считается с нами, а мы, случается, притворяемся, что отвечаем ей взаимностью, то есть игнорируем. Как бы не так. Остается лишь один достойный выход — подыгрывать жизни, расцветивать то и дело меркнувшие ее краски. Иного не дано. А если кому по душе увлекательная жуть саморазрушения, так и это из области прав человека, на которые не смею посягать. Выбор за нами.

Михаил Пойзнер — пессимист по содержанию и оптимист по форме, а в итоге величайший гуманист — наполняет мир питательными соками жизнеутверждения во всех его проявлениях: в чутко подхваченной шутке, добром курьезе, стоической самоиронии, жизнелюбии "у бездны на краю" и "смерти вопреки". Горький привкус торжества — так бы я охарактеризовал все его "иллюстрации к жизни". Какие разные, кажется, проекты он осуществляет — "Из подсмотренного и подслушанного", "Корабли моего детства", "Одесса: оккупация, 1941-1944" — какие, казалось бы, полярные, в диапазоне от смешного до трагического! Предполагаю, М.Б. Пойзнер и сам не всегда отчетливо отдает себе отчет в побудительных мотивах, а просто-напросто моделирует горячие и не остывающие узлы (угли?) собственного сознания, его саднящие ожоги. Это пламя тяжело носить в себе безостановочно — выношенное, оно сжигает носителя изнутри, требуя выхода в мир, рождения. На обиходном языке такое человеческое свойство прозаически называют энергичностью или творческим потенциалом — всего-навсего. Есть и изысканные метафоры — "бродильное вещество" и т. д. В каких единицах измеряется количество означенной энергии, потенциала, "бродильного вещества" и т. п.? Черт его знает. Что касается Пойзнера, я говорил бы не об исчисленной энергоемкости, а о неисчерпаемости. Поскольку на очереди стоят уже несколько новых и очень мощных его издательских проектов, а там он непременно "забеременеет" следующими.

Но главное, что эгоистично продолжает радовать лично меня, — неисчерпаемость наших отношений. Я уже рассказывал о "Подсмотренном

и подслушанном", об абсолютном слухе Михаила Борисовича, умеющего выслушивать родной город с той же заинтересованностью, с какой добрый доктор прослушивает легкие и сердце захворавшего ребенка. О его поистине героическом подвижничестве в реализации грандиозного проекта, связанного с изданием иллюстрированного альбома об оккупации Одессы в годы Великой Отечественной войны. Повторюсь: Пойзнер доводит до успешного завершения все свои проекты без исключения, даже и самые неподъемные, полуфантастические. И в этом как раз и заключается один из феноменов Его Личности, быть может, наиболее яркий, рельефный. На этом фоне как-то даже тускнеет и пропадает из виду основной, если хотите, профессиональный род занятий М. Б. — одного из ведущих специалистов (не только в масштабах страны!) в морской отрасли, академика, профессора, маститого ученого и блестящего педагога. Опять-таки, повествовал о том, как он спокойно (но не хладнокровно!) и, вместе с тем, самоотверженно решает дежурные проблемы всех своих друзей, а то и вовсе посторонних просителей. И, подчеркиваю, к решению этих "второстепенных", вроде бы, проблем Пойзнер относится столько же пламенно, сколько к осуществлению собственных проектов. У него нет градации типа "свое — чужое". И в этом другой значимый феномен Личности открывается мне во все большей широте или, как нынче говорят, в новом формате.

Могут заметить, возможно, что неуместно серьезничаю. Наверное. Хочу признаться: мне осточертел этот наш пожизненно ернический пошловатый "одесский тон", при котором всякая здравая мысль откаламбуривается, отфутболивается из области сознания в область звуковых эффектов. В конце концов, надо хотя бы изредка говорить друг другу нечто внятное. Ибо если этого не делать никогда, то жизнь профукивается коту под хвост и далее по тексту. Именно поэтому на страницах задорной, иронической, а то и как бы абсолютно абсентеистской книжки Михаила Пойзнера веселая или ехидная ухмылка нередко соседствует с гримасой боли, беспечность — с озабоченностью, радость — с горечью. Странно предположить, что еще живы одесситы, содрогающиеся от воспоминаний, в которых этот "милый город", "дивный город" "в акациях белых", такой доброжелательный, такой как бы хрестоматийно веротерпимый и интернациональный, предавал и в костную муку перемальывал своих граждан. Мир хрупок — вот один из лейтмотивов "легковесной" книжки Пойзнера, — мир на самом деле висит на честном слове, чтобы не сказать жестче. Мы видим это каждый божий день, видим и... не замечаем, безостановочно хмыкая и подначивая, отшучиваясь и отрещиваясь. Михаил — по-

мнит, ненавязчиво напоминает. И он же парадоксально продолжает верить в счастливую исключительность этого города.

Михаил Борисович Пойзнер — великий романтик. Неясно, зачем я периодически пытаюсь его разуверить, призываю к взрослению? И что есть взросление? Потеря (дефлорация) веры в Деда Мороза, в чудеса, в сказку со счастливым исходом, в неизменную победу Добра над Злом? Пусть живет себе, поражая своею позитивною неисчерпаемостью, пусть продолжает персонифицировать Добро, пусть остается эксклюзивным Дедом Морозом — моим, моих детей, моих друзей. Ему много отпущено, он много и отдает. Вот и вам досталось. Читайте!

Олег ГУБАРЬ

